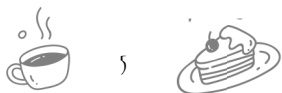

Пока Кирилл толкался в вечерних пробках, еще теплилась надежда проскочить до начала дождя. Но уже у самого дома о ветровое стекло разбилось первые крупные капли. Зонта с собой он никогда не брал, и к подъезду нести пришлось, как сайгаку, уходящему в степи от погони. К сожалению, резвость не спасла. Дорогая замшевая куртка пострадала больше всего, но настроение от этого не испортилось. На губах Самойлова, как всегда, блуждала полуулыбка, а в глазах проскакивали лукавые искорки. Сестра по своей дурацкой привычке открыла дверь, не спрашивая кто пришел и не глядя в глазок. Увидев на пороге мокрого и веселого брата, Кира молча принесла из ванной полотенце, сунула ему в руки и ушла на кухню.

Как ни странно, Кузьмич успел прийти раньше и занять свое любимое место на кухне. Наряд приятеля, как обычно, поражал своей оригинальностью. Он не вписывался ни в какие рамки представлений о моде и вкусе — мятая рубашка почти до колен с огромными карманами, поверх строгий жилет в тонкую полоску от делового костюма. Незабываемый образ довершали шаровары в мелкий цветочек и копна длинных чуть вьющихся волос, которые постоянно падали на глаза. Но никто из присутствующих уже не удивлялся колоритному образу, они видали в исполнении приятеля и не такое. Кира даже перестала задаваться вопросом, где он берет все эти чудовищно-нелепые вещи.

До прихода брата Кира была занята кормлением Чика, а приятель в ужасе следил за процессом. К этому зрелищу он привыкнуть так и не смог. Самойлова, встав над псом, сдавливая коленями его жирные бока и грозным голосом обещала:

«Сейчас отниму. Сейчас все отниму и съем!» Чик воспринимал угрозу вполне серьезно, рычал, делал броски вперед, закрывая грудью еду, и опасно косился. При этом он успевал периодически выхватить из миски порцию корма и судорожно проглотить. Дело двигалось медленно, хозяйка от этой игры уже начала уставать. Тогда она нагнулась, чтобы забрать миску.

— Ну, хватит! Ты меня уже достал, — сообщила она и потянула миску на себя. — Отдавай, раз не хочешь есть.

Пес сделал очередной рывок в ее сторону, но только рявкнул громче обычного. Ни на что больше он бы никогда и не отважился.

— Кира, ради бога, прекрати его дразнить. Это может плохо закончиться. Один раз он не рассчитает и цапнет тебя! — взмолился приятель.

— Кузьмич, заканчивай паниковать, — усмехнулась Самойлова. — Ты посмотри на его глаза. Да и хвост поджат. Это же часть ритуала, что-то типа приправы. Без нее корм — просто коричневые камушки, а так — добыча.

— Эта бойцовая рыбка? Цапнуть? Никогда! — поддакнул брат, который наблюдал всю эту сцену с порога кухни, продолжая вытирать полотенцем намокшие волосы.

Когда миска оказалась в руках у хозяйки, Чик встал, озадаченно посмотрел на то место, где она должна стоять, потом на Киру. В глазах его читался вопрос: «Как же так? Мы же так хорошо играли». Он явно расстроился. К тому же остался голодным.

— Ладно, — Самойлова сжалась и поставила миску на место. — Доедай быстрее.

Но собака опять легла рядом в ожидании продолжения игры. Как и сказала хозяйка, корм сам по себе не представлял для питомца никакого интереса. Пришлось занимать исходную позицию и вещать театрально-страшным голосом о своих планах оставить того без харчей.

— Позволь, я пока пройду, сделаю всем чай. Ваши игрища могут длиться еще очень долго, а мне жутко хочется пить, —

Кирилл стал протискиваться мимо сестры. — Кузьмич, думаю, тоже не откажется.

Кухня у Самойловой была не самой удачной формы — длинной и узкой, как школьный пенал. Даже поставленные только по торцам обеденного стола стулья мало что исправили. По центру помещения оставался лишь узкий проход, где разойтись двоим было проблематично. При этом, на удивление, оно выглядело очень уютным. По этой причине ни разу ни у кого не родилась мысль перебраться в комнату, где было намного больше места.

Пока брат пробирался мимо Киры в дальний угол кухни к электрическому чайнику, один за другим раздались два раската грома. Таких оглушительных, что от неожиданности у Киры дрогнули коленки. Порывом ветра распахнуло окно, и занавеска взметнулась к потолку. При первом ударе Чик вскочил, поднял настороженно уши и поджал хвост, при втором умчался в комнату и там затих под диваном.

— Что это он? Даже не доел, — удивился брат.

— Грозы боится. И петард. В общем, любых громких звуков. Для него самое трудное время — новогодние праздники. Почти совсем из дома не выходит.

Раздался еще один раскатистый удар. Он был особенно мощным и продолжительным. А за ним хлынул стеной ливень. На пороге появился Чик, в глазах у него плескался ужас. Он медленно и осторожно пробрался между ногами Кузьмича и стулом, влез под стол и громко задышал. На пол закапала слюна, обещая через пару минут превратиться в приличную лужицу.

— А чего он назад примчался? — опять не понял действии пса Кирилл.

— Наверное, решил, что бояться в компании удобнее, — пожалла плечами хозяйка и отправилась в ванную за тряпкой.

Пока брат наливал всем чай, Кира закрыла окно на кухне и пошла проверить, все ли в порядке в комнате. Вернувшись, она услышала странный звук, как будто кто-то слегка хлопает рукой по картонной коробке.

— Что это такое? — тоже обратил внимание Кузьмич, вертя головой в разные стороны.

Кира постояла, прислушиваясь, откуда идет звук. Поняв, что источник находится под столом, она нагнулась и посмотрела на пса. Тот сидел абсолютно прямо и неподвижно с выпученными от ужаса глазами. Только иногда его грудная клетка делала толчок, и раздавался этот тихий звук.

— Это Чик икает, — рассмеялась она.

— Собаки умеют икать? — удивился приятель.

— Конечно. И чихать, и икать, и кашлять. Все, как у людей.

— А икает он почему? Из-за сухого корма? — поинтересовался брат. — Говорил же я тебе, корми его нормально, а не этими коричневыми камушками.

— Нет. От страха.

— Так успокой его.

— Нельзя, он не ребенок.

— В смысле? — не понял Кирилл.

— Это детей можно успокоить, погладив по голове и сказав что-то ласковое и утешительное. Для собак все наоборот, это закрепление поведения. Если я его сейчас приласкаю, значит, это правильно, так и надо всегда делать.

— Так что, сидеть и смотреть, как пес умирает от страха?

— Фактически да. Для него я — вожак. Вожак не боится и ведет себя спокойно. Это для него пример. Со временем станет меньше бояться.

— Или не станет.

— Возможно. Но это уже его проблема.

— Садистка! — брат схидно подмигнул. — Я всегда говорил, женщины с желтыми глазами...

— Они у меня ореховые, — Кира заняла воинственную позу.

— Нет, желтые. Как у дворовой кошки. Зюзя, не спорь со мной. Я старше, мне виднее.

— Еще раз назовешь меня Зюзей, придушу! — тонкие Кирины пальчики хищно потянулись к шее брата. — Вообще не

понимаю, как ты, Фофа, из всего Тургенева мог выкопать это дурацкое прозвище, да еще и перевернуть?

— А в чем дело? Откуда столько негатива? Посмотри на себя. Какая ты Кира? Ты же Зюзя чистой масти, — губы Кирилла растянулись в улыбке еще шире, такая реакция его всегда забавляла.

Подобные подколки были частью культурной программы во время сборищ на кухне. А сборища были постоянными, потому что кайф от них ловили все. Обычный формат — взять какую-нибудь абсурдную или туманную на первый взгляд историю, препарировать ее и найти логичное объяснение событиям. Это намного увлекательней, чем тупо упираться в телевизор. И неважно, касалось ли дело их общих знакомых, соседей или каких-то медийных личностей. Главное, найти повод размять мозги.

Но в этот день настроение Киры не располагало к остро словию. Чтобы сменить тему, она нырнула в холодильник и достала несколько небольших стеклянных баночек с яркими этикетками. Поставив их на стол, бросила еще пачку мацы и столовые ножи. Кирилл взял одну из них и прочитал: «Паштет из мяса дикобраза», на второй было написано: «Паштет из мяса бобра с морковью». Остальные он и рассматривать не захотел.

— А из утиной или гусиной печени не было? На худой конец, из индейки, — с грустью поинтересовался он.

— Закончились. Скажи спасибо, что не из опоссума.

— Кира, ну зачем этот гастрономический экстрим?! Сколько раз просил, купи просто пряники или вафли.

— Пряники и вафли, а также пастилу и шоколадные конфеты ты можешь поесть и дома. Это же так скучно и примитивно.

— Зато вкусно.

— Убогий, в общем, элемент, — процитировала Кира строчку из песни любимого барда.

— Вырываешь из контекста, — не согласился с таким определением Кирилл.

— Ну, ты понял, что я хотела сказать. Сколько раз тебе объяснять? Я пытаюсь расширить гастрономические горизонты, а не питаться этим постоянно. Неужели не интересно попробовать что-то новое? Посмотри на Кузьмича, сидит и уплетает молча. Налетай, а то тебе вообще ничего не останется.

Кузьмич действительно ел, как через себя бросал. Видимо, делал он это совершенно механически, потому что был занят увлекательнейшим занятием — изучал содержимое своих карманов. На стол один за другим легли — резец от штихеля, здоровенный ржавый саморез, маленький кусочек синей кожи, монетка какой-то неизвестной страны, половинка ракушки морского гребешка, оранжевая канцелярская резинка, дисконтная карта давно не существующего магазина, колпачок от шариковой ручки и сувенирный значок с надписью «Свердловск».

Кирилл взял пластинку мацы и с сомнением покрутил перед носом:

- А почему маца? И вообще, где ты ее взяла?
- Потому что хлеб закончился. А взяла в магазине.
- Зачем?
- Что зачем?
- Зачем взяла?
- Потому что это удобно. Она не портится.

Брат тяжело вздохнул и намазал на тонкий слой сухого теста еще более тонкий слой паштета, а затем с опаской откусил крошечный кусочек. Распробовав бобрятину, он отложил угощение на блюдце и на всякий случай подальше отодвинул его от себя. После этого достал из пачки еще одну пластинку и стал грызть, с укором глядя на сестру и посыпая крошками все вокруг. Желаемый эффект был достигнут, и Кира от удовольствия потеряла руки.

Брат правильно оценил перспективы. Остаться голодным ему совсем не улыбалось. Поэтому решил ознакомиться с содержимым холодильника. Но набитые овощами и зеленью полки его ничуть не вдохновили. Он закрыл дверцу с горестным вздохом:

— Мда... Рацион юной буренки. Странно, что ты еще мычать не начала.

Сестра предпочла не комментировать данное замечание, но и глумиться до бесконечности ей совсем не хотелось. Поэтому из шкафчика была извлечена пачка овсяного печенья и торжественно вручена родственнику. Самойлов тут же простил сестре измывательства и даже послал воздушный поцелуй. После двух печенек внутренняя гармония была полностью восстановлена, и он еще раз внимательно взглянул на Кузьмича.

— Идеальный муж. Можно кормить хоть туалетной бумагой, он и не заметит, — негромко прокомментировал с улыбкой Кирилл.

Сестра нахмурилась и отрицательно покачала головой в знак того, что она не одобряет такие шуточки. Самойлов постоянно подтрунивал над приятелем по любому удобному поводу. К счастью, тот никогда не обижался. То ли с чувством юмора был полный порядок, то ли просто пропускал мимо ушей.

— Кузьмич, ты с нами? — обратилась Кира к гостю и пощелкала пальцами у него перед лицом, привлекая внимание.

Тот с легким недоумением рассматривал извлеченные богатства, беря предметы один за другим и крутя перед носом. Потом сгреб все в одну кучу и сунул обратно в карман. Только после этого он поднял голову.

— Да, — с некоторой запинкой ответил он.

— Выходи из сумрака, ты нам нужен.

— Зачем?

— Затем, что письма у тебя. А я изнываю от любопытства.

Кузьмич достал из другого кармана пачку пожелтевших писем, перевязанных светло-зеленой шелковой ленточкой, и положил на стол.

— Интересные письма ты нашел, — заметил он, задумчиво глядя на стопку.

— Не я, ребята из реставрационной мастерской, что бюро взяли восстанавливать, — поправил Кирилл. — Я же расска-

звал. Купил старый комод, решил привести в порядок. Отдал знакомым реставраторам, а они где-то что-то нажали и открылась боковая панель. А за ней письма и серебряная цепочка от карманных часов.

— Это неважно. Важно то, что там кое-что действительно любопытное есть.

— Подожди минуточку, прежде чем начнешь рассказывать, — остановила Самойлова приятеля и обернулась к брату. — Ты нашел хозяина бюро? Мы письма ему возвращать вообще собираемся?

— Конечно! — возмутился тот.

— Что, конечно? Нашел или собираемся?

— Собираемся. Я уже и с владелицей антикварного магазина пообщался. Правда, она ушла в глухую несознанку. Типа «я координаты своих клиентов не даю». Прямо тайна вкладов, как в швейцарском банке. И еще зыркнула так, будто я у нее бумажник решил стянуть.

— Что за чушь? Ты же не собираешься ему какие-то претензии выдвигать. Ты письма хочешь вернуть.

— Я именно так и объяснял. Но на нее это не произвело впечатления. Единственное, чего я добился, так это обещания, что она сама поговорит с продавцом и даст ему мой номер телефона.

— Ну, хоть что-то. Будем ждать звонка, — удовлетворенно кивнула Кира. — Извини, Кузьмич, продолжай. Мне очень-очень интересно!

— Зюзя, вот видишь, — обратился Кирилл к сестре. — А ты говорила, что чужие любовные письма читать аморально.

— Фофа, перестань тыкать в меня палочкой! И вообще, не перебивай, — отмахнулась от него сестра. — Кузьмич, ну и что там?

— Автор писем — мужчина. Любимую женщину он называет Евой.

— Я тоже это прочел. Как оригинально. А его, надо полагать, зовут Адамом? — усмехнулся Кирилл.

— Не совсем так. Он не называет ее своей Евой, а просто обращается к ней по этому имени. Я полагаю, оно подлинное. Может быть, сокращенное от какого-нибудь более сложного.

— Ладно. Что дальше?

— У Евы есть дочь Вера. Судя по всему, совсем маленькая, года два или три. Возможно, даже меньше, — Кузьмич порылся в пачке писем, достал одно из них и развернул. — Он пишет: «...Я буду Верочке отцом. Она такая маленькая, что и не вспомнит, кто ее настоящий родитель...».

— Ну и что это нам дает?

— Пока ничего. Я просто перечисляю всю информацию, что удалось найти. Но я еще не закончил.

— Извини. Слушаю.

— Автор — врач, работает в больнице и занимается какими-то исследованиями на животных, — Кузьмич достал другое письмо и зачитал: — «...так жаль, что редко удастся тебя увидеть. Сейчас так много работы, опыты на животных идут один за другим. Для меня такая радость, когда ты заходишь к нам...» Вот здесь только непонятно, она пациентка, которая иногда приходит на прием, или врач.

— Ну, пациенты не шастают в больницу периодически, они в ней лежат. Больница — это не поликлиника. Скорее она медсестра. Врачи в те времена в основном были мужчины, — вставил Кирилл.

— В какие «те»? — поинтересовалась Кира.

— Ну те, далекие. Дат на письмах, правда, нет. Но, думаю, это еще до революции было.

— Письма точно написаны после восемнадцатого года, — заметил Кузьмич.

— С чего ты взял? — удивилась Самойлова.

— Ятей нет. Их большевики упразднили, как пережиток.

— Чего нет?

— Буквы «ять», — Кузьмич посмотрел на подругу грустными глазами учителя грамматики.

— Первый раз слышу. И на что она была похожа? На «я»?

— Нет, скорее на долгий звук «с».

— И зачем так сложно? Мало, что ли, одной буквы? — Самойлова сдвинула брови к переносице и потрясла головой.

— В устной речи, может быть, и не очень надо, а в письменной очень удобно.

— Например?

— Например, слово «лечу» имеет два значения. Первое — лететь по небу, тогда ставилась буква «е», второе — лечить людей, тогда ставилась «ять», — стал невозмутимо втолковывать приятель.

— Ну хорошо, допустим, с восемнадцатым годом мы разобрались, но все равно более точной даты у нас нет.

— Ну почему же? Я могу сказать совершенно определенно.

— Как? Где-то в письме упоминается год или какое-то событие?

— Не совсем. Он пишет, что на дворе двадцать шестое сентября, а погода летняя, двадцать шесть градусов.

— Ну и что? При чем здесь климатические условия?

— А то, что двадцать шесть градусов тепла в Москве, не считая две тысячи пятнадцатого, было только один раз — в девятьсот двадцать четвертом году.

— Кузьмич, ты — гений! — с восторгом воскликнула Самойлова.

— Нет, просто обратил внимание, — пожал плечами приятель.

— Ну, а дальше что?

— Жили они где-то по соседству. Он пишет, что достаточно пройти до угла дома, чтобы в переулке вдали увидеть эркер ее квартиры.

— Это нам ничего не даст, — с разочарованием проговорила Кира. — Все равно не понятно, где он жил. И где жила она — из этого тоже невозможно установить.

— Знаю. Но это важный момент. Он может пригодиться.

— Может быть.

